

В комнату вошла Цю Лань, держа в руках медную квадратную тарелку с разными благовониями для омовения:

— Уже всё готово, прошу князя Мина и государя идти мыться.

— Великолепно, можно хорошенько помыться. — В долгом пути совершенно не было возможности принять ванну, потому стоило князю услышать про омовение, как его глаза загорелись, а сам он, выбравшись из рук Жун Тяня, добавил: — Нужна большая бочка, побольше горячей воды, и я с радостью пойду мыться.

На что Цю Лань улыбнулась:

— Зачем какая-то бочка?

Находящийся сзади Фэн Мина молодой мужчина, крепко обхватив талию, тотчас же поднял на руки любимого князя.

И шутя проговорил:

— Сегодня позволь этому императору лично помочь Его Светлости князю помыться. — И, держа Фэн Мина на руках, мужчина вышел из спальни. Пройдя через дворик, попутно минуя поперечную стену и оказавшись за большими воротами, Жун Тянь направился за лагерь. Построек становилось меньше, и вот, когда они прошли ещё несколько шагов вперёд, князь услышал доносящееся журчание воды. Неизвестно, куда повернул император, но перед глазами оказался широкий простор, где на небольшом зелёном лугу стояли несколько больших камней, среди которых из ниоткуда протекал родник шириною с чжан.

Фэн Мин, издав шумный вопль, выпрыгнул из объятий Жун Тяня и, вытянув свою руку, бросился проверять воду на ощупь, после чего ликуяще сказал:

— Горячая, ха-ха, оказывается, это горячий источник. Где ты нашёл такое сокровище? — и, вытянув руки, обнял Жун Тяня за шею.

— Я нашёл это сокровище здесь. — И молодой мужчина слегка коснулся его выдающегося кончика носа. — Это место обнаружила Мэй Цзи, вот поэтому специально выбрала это ущелье, находящееся вдали от всего мира. Ну а мы лишь немного позаимствуем его.

— А? Тогда стоит воспользоваться удобным случаем и поскорей искупаться.

Плесь — и брызги воды разлетелись во все стороны.

Вымокшие до нитки Жун Тянь и Фэн Мин стояли по пояс в тёплой воде.

— Фэн Мин, — со вздохом проговорил мужчина, — мы ещё не разделись.

— Когда император Силэй стал таким пайнькой? Ты натворил столько пакостей, а мне, значит, нельзя? — обратился к нему князь и даже состроил рожицу, однако, внезапно услышав раздавшиеся по траве шаги, обернулся посмотреть.

Две служанки — Цю Лань и Цю Син — принесли благовония для мытья. Опустив вещи, девушки, не обращая внимания на то, что могут намочить подола и ступни, сели на большой камень, стоявший неподалёку от источника.

— Мы пришли помочь государю и князю Мину помыться.

— Нет, — с улыбкой на устах отозвалась Цю Син. — Мы лишь поможем государю помыться и не осмелимся мыть князя Мина.

Князь свирепо уставился на них:

— Я тогда возвращаюсь к себе, так как вы насмехаетесь надо мной. Ха, а почему не видно Цю Юэ?

Цю Син внезапно с небольшой робостью произнесла:

— Цю Юэ хлопчет на кухне, Цю Лань только что виделась с ней. — И, повернув голову, посмотрела на подругу: — Верно, Цю Лань?

— Верно.

Сзади вытянулась рука и ловко развязала пояс князя. Жун Тянь, покусывая загривок, соблазнительным тоном спросил:

— А кто только что говорил, что стоит воспользоваться удобным случаем и поскорей испуститься? Давай-ка этот император поможет князю Мину раздеться.

Стоило одежде сорваться с плеч князя, как его напряжённый член уже попал в лапы чудовищного Жун Тяня.

Движения были плавными и дразнящими. Казалось, руки Его Величества играли на самой настоящей флейте, рождая на свет самую очаровательную мелодию.

— Жун Тянь... ты такой легкомысленный... — застонал Фэн Мин и, стиснув зубы, упал в объятия мужчины, позволяя последнему делать с собой всё, что заблагорассудится, дыхание

постепенно тяжелело, а сам князь прерывисто спросил: — Кто-нибудь... может ли... сюда вломиться?

Движения Жун Тяня были настолько проворными, что Фэн Мин так и не закончил предложение, верхняя одежда уже была отброшена, кожа мягкая и светлая, подобно белому нефриту, была обнажена, и вода, что стекала по ней, придавала ей глянцевый, присущий шёлку блеск.

Цю Син и Цю Лань уже давно привыкли к подобной картине и, не удержавшись, покраснели, при этом с улыбкой обменивались взглядами, однако, засучив рукава до предплечья, девушки тихо подошли к государю сзади, помогая Жун Тяню обтираться.

— Не надо...

— Успокойся, охрана стережёт всё кругом.

Жун Тянь никак не мог забыть о банкете Мэй Цзи, который скоро должен был начаться, и поначалу лишь собирался подразнить Фэн Мина, но увидев, что любимый феникс обмяк и бросает обольстительные, словно шёлк, взгляды и сам не в состоянии твёрдо стоять, как он мог остановиться на этом? Большой рукой Жун Тянь помимо своей воли начал изо всех сил дразнить, поглаживая Фэн Мина промеж ног.

От специальных ласк-намёков любовная страсть растеклась по всему телу, ноги обмякли, и, стоя, как назло, в воде, князь только и мог умолять, стеная:

— Жун Тянь... держи... меня... я могу рухнуть в воду...

Мужчина, у которого от напряжения сдавило горло, хрипло засмеялся:

— Фэн Мин, будь паинькой и откинься назад, я удержу тебя и не позволю упасть в воду.

Князь послушно и с трудом сделал шаг назад, и ягодицы внезапно прикоснулись к возбуждённому члену. Лишь сейчас поняв, что значат слова Жун Тяня про «удержу», Фэн Мин вновь зарделся и в то же время разозлился от смущения, шёпотом браня:

— Ты просто развратник.

— Я действительно всё время сдерживался и не наказал тебя в дороге, — молодой мужчина расхохотался, одной рукой крепко сжимая талию князя и смочив пальцы другой руки в мягком и липком благовонии, что Цю Лань поставила рядом, ввёл пальцы в изящное и соблазнительное заднее отверстие Фэн Мина, вначале один, а затем также медленно ввёл второй.

Дождавшись, когда третий палец проникнет в него, Фэн Мин не смог сдержаться и слегка потёрся о тело Жун Тяня:

— Обними меня.

Уже ожидавший этого предложения император радостно ответил:

— Слушаюсь. — Вынув пальцы, молодой мужчина крепко обхватил любимого феникса и повернулся, обращая князя лицом в сторону камня.

Заставив князя опереться грудью о камень, а нижнюю часть — выпятить, Жун Тянь прошептал:

— Будь паинькой и не крутись, я войду в тебя, вознаграждая.

И медленно подался бёдрами вперёд.

Фэн Мин, не привыкший заниматься с Жун Тянем сексом стоя, сомкнул дрожащие ресницы и, словно котёнок, всхлипнул:

— Не торопись.

Мужчина сразу же замедлил темп и, выйдя, вновь наполовину вошёл в любимого феникса, затем снова вышел. Повторялось так несколько раз, вскоре князь привык, и только тогда Жун Тянь осмелился увеличить темп, всласть заскользив туда-сюда.

Цю Лань и Цю Син тактично отошли в сторону и сейчас слегка поглядывали на Жун Тяня, который, прижав своим телом князя, с натиском вторгался в него, и со вздохом сказали:

— О Небеса милостивые, государь в итоге вернул себе князя Мина.

— Да, Небеса милостивые, у этой парочки всё же взаимная любовь.

Долгое время Жун Тянь «зажимал» Фэн Мина, вволю наказывая, слыша его стонущий голос, словно в его руках благоухающий нефрит, и чувствуя радость, которую нельзя было передать словами.

— Жун Тянь... я... я кончаю...

— Подожди немного.

Фэн Мин, задыхаясь, просил пощады, послушный и милый князь за то время, что был в Дунфань, несколько вытянулся, его руки и ноги стали стройнее, а сейчас совершенно обнажённые руки бесцельно блуждали по камню, заставляя Жун Тяня не сдержаться, и, опустив голову, молодой мужчина слегка прикусил утончённое плечо князя.

Подняв голову и увидев вдалеке внезапно появившийся силуэт, Жун Тянь на мгновение испугался и почти остановился.

— А?! — Фэн Мин тоже поднял голову.

До того, как князь успел выпрямить спину, мужчина сдержал его, крепко придавливая сверху и не позволяя даже голову поднять:

— Подожди немного, и будет хорошо, — нежно прошептал на ухо бывший император Силэй.

Член вновь заскользил в теле, только на этот раз ещё сильнее и специально задевая чувствительную точку князя, толчок за толчком. Прижавшись лицом к камню, Фэн Мин открыл ротик и, непрерывно глотая воздух, даже глаза не мог распахнуть.

Жун Тянь, прижав князя, с натиском овладевал любимым, на красивом лице бывшего императора Силэй улыбка больше не появлялась, и, оставив шелковинку строгости и твёрдости, которая была присуща государю, молодой мужчина без всяких эмоций смотрел перед собой.

Сяо Цзун, держа за поясом меч, шёл со стороны другой горной кручи. Проходя мимо горячих источников, мужчина, по-видимому, почувствовав пристальный взгляд Жун Тяня, только тогда заметил, что в воде находятся два совершенно обнажённых мужчины, после чего учитель вольготно опустил голову, бросил на них взгляд, вновь отвернулся и, совершенно не придавая значения, прошёл по той же дороге, по которой шли Фэн Мин с Жун Тянем.

Бывший император Силэй, затаив дыхание, проводил учителя взглядом и только тогда опустил голову, с любовью и нежностью глядя на уже ничего не понимающего Фэн Мина, резко задвигал бёдрами, слыша вырывающиеся стоны князя.

— Нет... больше не стерплю...

Перед глазами появились белые клубы облаков, в которых таились мириады ярких огней, и ослепляющее наслаждение вскружило голову, позволяя двум влюблённым достичь медово-сладкого пика одновременно.

Спустя долгое время, в течение которого он переводил дух, к Фэн Мину наконец пришло осознание, что он, крепко держась за плечи Жун Тяня, стоит в воде.

Заметив, что юноша шатается, Жун Тянь обнял его и позволил сесть на камень. Когда он сел на другой берег источника, Цю Лань и Цю Син тотчас же помогли Его Светлости князю надеть лёгкий халат, после чего Фэн Мин приглушённо спросил:

— Горные кручи, что там?

Цю Лань, только что видевшая прошедшего мимо Сяо Цзуна, опешила, её лицо до сих пор было очень бледным, а сама служанка трусливо ответила:

— В том месте учитель Сяо тренируется с мечом. Учитель Сяо никому не позволяет приближаться к этому месту.

— Там нет стражи?

— Ваша служанка заслуживает смерти... — И Цю Лань спешно добавила: — Там глушь, и Ваша служанка подумала, что учитель уже долгое время не ходит туда тренироваться, и сегодня, когда государь вернулся, учитель вовсе не...

Жун Тянь, помрачнев, холодно фыркнул.

Цю Лань, словно ошеломлённая раскатом грома, рухнула на подкосившиеся колени:

— Ваша служанка заслуживает смерти...

Жун Тянь перед тем, как девушка упала на колени, схватил и потянул её, заставляя несчастную подняться, после чего прошептал:

— О сегодняшнем при Фэн Мине не следует ни намекать, ни сплетничать, ты с Цю Син следите за тем, что говорите, слышишь?

Сделав предупреждение, молодой мужчина подошёл к приходящему в себя после недавнего всплеска страсти князю и, полностью укутав его в большое одеяло, похлопал по рассеянному лицу, улыбаясь:

— Вернёмся, чтобы снова переодеться, а судя по твоему виду, тебе стоит чего-нибудь перекусить, чтобы восстановить силы. Мэй Цзи неплохо готовит и охотно это сделает, ну а мы насладимся её кулинарией.

Подняв князя на руки, Жун Тянь развернулся и направился в их личную опочивальню.

Вернувшись в комнату, бывший император Силэй мягко положил Фэн Мина на постель.

Князь, будучи выжатым досуха, обмяк, однако, помогая себе руками и ногами, попытался перевернуться и подняться, но тотчас же почувствовал онемение в пояснице и помимо своей воли вновь рухнул на мягкую большую постель.

На князе Силэй не было ничего, кроме большого одеяла, в которое он был бережно завернут и которое при одном движении соскользнуло с плеч и упало до пояса, едва обнажая ягодицы. Фэн Мин постарался обойтись своими силами, совершенно не подозревая, что выглядит крайне эротично, однако, внезапно услышав тяжёлое дыхание над головой, князь поднял глаза, встречаясь со взглядом уже бездонно-затуманенных глаз Жун Тяня, отчего запаниковал и поспешил предупредить:

— Не смей делать всё, что взбредёт в голову, не забывай, что господин Сяо и Мэй Цзи ждут нашего появления на банкете.

Всегда полный сил и энергии Жун Тянь разве мог удовлетвориться лишь одним разом, а глядя на лежащего на кровати и закутанного в одеяло Фэн Мина, спокойно мог представить, какой соблазнительный вид скрыт под тканью, однако молодой мужчина также понимал: не стоит опаздывать на банкет, который был специально приготовлен красавицей Мэй Цзи в его честь, в итоге бывшему императору Силэй оставалось только сдержанно ответить:

— Подожду тебя снаружи.

Пока оставалась ещё крупица самоконтроля, нужно было как можно скорее уйти из-под влияния Фэн Мина.

Жун Тянь вышел, следовавшие повсюду Цю Лань и Цю Син, которые не смели говорить громко, сразу же тихо поднялись. Две девушки, словно разноцветные облака, стремительно подскочили и, окружив большую кровать, улыбнулись, подобно цветкам [1].

— Государь ушёл, князю Мину не стоит прятаться. Хи-хи, мы пришли помочь господину переодеться.

— Этот новый халат мы соткали с Цю Юэ, голубой цвет очень подходит под цвет кожи князя Мина, а материал лёгкий, мягкий и носить такое, безусловно, удобно.

Служанки помогли князю подняться с кровати и стали раскрывать одеяло, но внезапно Фэн Мин заметил, что девушки остановились, и спросил с изумлением:

— В чём дело?

На лице Цю Син отразился испуг, и, пристально глядя на ужасные шрамы, что «красовались» на груди и спине Фэн Мина, девушка рукой спешно притронулась, убеждаясь, что это не привиделось, после чего с дрожью в голосе пролепетала:

— О Небеса милостивые! Кто настолько жестокий?

Когда девушки помогали государю мыться, то находились за спиной Его Величества и только сейчас увидели, что на теле князя шрамы.

— Пустяки, это получил в бою во дворце Дунфань...

Слёзы Цю Лань уже сорвались с ресниц и, оставляя мокрый след, прокатились вниз. Девушка, плача, нежными кончиками пальцев осторожно дотронулась до шрамов на спине Фэн Мина и с болью в сердце проронила:

— Наверняка очень больно. Государь, подумать только, почему так небрежен?

Посмотрев на двух служанок, чьи глаза были полны слёз, князь печально пояснил:

— Жун Тянь уже сделал, что мог. Цю Лань, не плач, увидела эти маленькие шрамы и сразу так расстроилась, а видела, какие шрамы на теле Жун Ху?

Цю Лань, смахивая слёзы с лица, ответила:

— У Жун Ху кожа толстая и огрубевшая, что такого страшного от нескольких порезов?

Цю Син тоже холодно добавила:

— Да, тело князя Мина такое красивое, как эти подлецы посмели поднять руку на князя Мина?

Беспомощно опустив голову, князь детально рассматривал себя. Стоит отметить, что в таком ожесточённом бою, который разгорелся тогда во дворце Дунфань, получить всего несколько царапин, можно сказать, небесная милость.

Ведь поистине его тело очень хорошо восстанавливалось, кроме этих слишком явных порезов, все маленькие раны зажили почти бесследно.

— Ладно, вы мне поможете переодеться или нет? — спросил Фэн Мин, оказавшись в безвыходном положении.

Цю Лань и Цю Син, взяв обеими руками халат, подали его, вот только уже на их лицах не было радости — лишь слёзы; они помогали князю одеться и, когда взгляд падал на раны, «украшавшие» нежное и белое тело Фэн Мина, девушки, не сдержавшись, начинали плакать.

Они смотрели на князя с обожанием, как и он на своих служанок. Однако ему ничего другого

не оставалось, как покорно стоять на месте, позволяя им завязать пояс с разными украшениями, но всё же попробовал утешить:

— Пустяки, я ведь не женщина, получить несколько ран в сражении — нормально. И кто знает, в будущем, может быть, будут ещё сражения, и ещё больше ран...

Ахнув, Цю Лань спешно ладошкой закрыла рот князю и слёзно пролепетала:

— Страшно, неужели князь Мин хочет снова побывать в бою? Неужели князь Мин обрадуется, когда наши сердца разорвутся от боли?

Цю Син закусила нижнюю губу:

— Мы бережно ухаживаем за князем Мином, боясь причинить вред даже самую малость. Еда, наряды, мытьё, причёсывание и умывание, а князь Мин наплевательски относится к своему телу и сам себя не бережёт, — девушка с укором посмотрела на Фэн Мина.

В душе крича «караул!», молодой феникс с безысходностью ответил:

— Я берегу себя, очень, но спасти свою жизнь тоже неплохо. Увы, раны уже сделаны, что поделаешь?

На что Цю Лань ответила:

— Разве не говорили, что существует чудодейственное лекарство, помогающее исцелить раны? Не думайте, что Ваши служанки не смогут его найти.

Цю Син кивнула, поддакивая:

— Верно, хоть умрём, но не позволим этим ужасным шрамам оставаться на теле князя Мина. К тому же, когда государь будет ласкать князя Мина, если увидит эти шрамы, то наверняка...

Фэн Мин посмотрел на себя: на белоснежном прекрасном теле было несколько страшных порезов, которые действительно не вызывали симпатии. Подумав, что Жун Тянь из-за них может утратить к нему страсть, он почувствовал, как душу охватывает страх, и неохотно проговорил:

— Нет, Жун Тянь уже видел и ничего не сказал, и всё такой же похотливый. Вы сказали, что после того, как увидит все эти раны, то может постепенно отвергнуть меня?

На этот раз, будучи крайне солидарными, Цю Лань и Цю Син тотчас же в один голос

заговорили:

— Почему отвергнет? Государь наверняка очень любит Вас.

Несмотря на разговоры, девушки по-прежнему расчёсывали волосы и, тщательно уложив, повязали их лентой.

Затем все трое вошли в комнату и вместе с Жун Тянем отправились в гостиную, где их уже ждали. После купания тело князя было чистым, а голубой цвет платья с белоснежным поясом превосходно сочетался с изящными червоно-золотыми подвесками, более того, из-за купания в горячих источниках тело князя приобрело розоватый, как у младенца, оттенок, от взгляда на который глаза Жун Тяня засияли.

Неизвестно когда вернувшийся Ле-эр пронзительно закричал:

— Ха-ха, всё же хорошо, когда рядом Цю Лань и остальные служанки. Ведь нам не удастся сделать князя Мина таким прекрасным.

На что Цю Син, фыркнув, блёкло посмотрела на Ле-эра:

— И разговора быть не может, у всех вас грубые руки и неуклюжие ноги, если князь Мин последует за вами, то неизвестно сколько печалей хлебнёт.

Стоящий за углом Жун Ху выглядел спокойно, однако в глазах читалась улыбка.

Жун Тянь взял руку Фэн Мина и, держа, притянул к груди, после чего шёпотом спросил:

— После купания ты стал ещё ароматное, чем раньше. Как насчёт поцелуя? — Не дожидаясь ответа князя, молодой мужчина крепко поцеловал своего феникса.

Боясь, что поцелуй снова вызовет «влечение» и тогда сегодня вечером им не удастся попасть на банкет, князь решительно остановил Жун Тяня и, глядя на Ле-эра, спросил:

— Почему ты один? Где принц Юн И?

Когда Цю Син и остальные служанки вместе с Юн И присоединились к Жун Тяню и поехали в обратный путь, но, доехав до лагеря, заметили, что Ле-эр вместе с Юн И исчезли, конечно же, все догадались, что Юн И утащил за собой юношу туда, где сможет его «наказать».

Едва услышав, как князь упомянул об этом, Цю Лань и Цю Син, две девушки, очень любившие поспорить с Ле-эром, тотчас же специально с весьма заумным видом [2] стали вглядываться,

ожидая, покраснеет телохранитель или нет.

Знали ли они, что опытный Ле-эр отнесётся к этим вещам крайне «отзывчиво» и, пожав плечами, откровенно скажет:

— Он истратил больше сил, чем я, разумеется, после этих дел не такой шустрый, как я. Сейчас, вероятно, по-прежнему моется? — Сам же телохранитель был совершенно чистым, а светло-голубое платье, в которое переделся, конечно же, было безупречно.

Услышав, как телохранитель болтает что ни попадя, Цю Лань и Цю Син, тотчас же покраснев, спешно отвернулись. Хотели увидеть, как краснеет Ле-эр, однако кто из них мог предвидеть, что он сам поставит их в тупик?

Жун Ху вмешался в разговор:

— Уже поздно, нужно отправляться на банкет.

На что Жун Тянь кивнул:

— Не следует заставлять ждать учителя Сяо и Мэй Цзи.

Император Силэй в сопровождении князя и приближённых слуг вышел из комнаты, и, пройдя несколько шагов, Фэн Мин внезапно остановился и залился смехом:

— Неудивительно, что чувствовал, будто чего-то не хватает, оказывается, Цю Юэ запропастилась куда-то. Она на кухне? Сегодня никто не будет ужинать на кухне, так почему же она там? Цю Син, скорее позови её.

Цю Син, отозвавшись, не успела и шага сделать, как внезапно услышала за поворотом звонкий голосок близняшки:

— Цай Цян, снова будешь таким непослушным, я больше не сошью тебе новые наряды.

Одна маленькая, но очень проворная тень шустро выскочила из-за угла, Цю Юэ бросилась следом, крича на бегу:

— Цай Цян, будь умницей и не бегай туда, там... — Внезапно увидев Жун Тяня и Фэн Мина, идущих впереди, девушка тотчас же остановилась и, опустив голову, поприветствовала: — Государь, князь Мин. — На периферии зрения служанка по-прежнему искала маленькую тень, приглушённо предупреждая: — Цай Цян, скорее иди ко мне.

Цай Цян несколько подрос с момента первой встречи с князем и больше не боялся чужих, как раньше, а увидев толпу перед собой, с криком рванул вперёд, прячась за Фэн Мина, и, с любопытством высунув голову, посмотрел, как Цю Юэ приветствует господ.

После того как князь узнал, что Цай Цян его плоть и кровь, по крайней мере наполовину, как будто впервые его увидел. Опустив голову и посмотрев на маленького человечка, на круглые глазёнки и невинное личико, Фэн Мин почувствовал, как любовь охватывает его, и, помимо своей воли наклонившись, поднял, приобнимая, и с лёгкой улыбкой спросил:

— Цай Цян, ты сильно подрос. Знаешь, кто я?

На что малыш, засмеявшись, мелодично и в то же время по-детски пролепетал:

— Ты — князь Мин.

— Действительно смыслённый. — И Фэн Мин похлопал ребёнка по щёчке.

Жун Ху приглушённо напомнил:

— Князь Мин, мы опоздаем. Нужно торопиться.

— Ах! — И Фэн Мин посмотрел на сидящего на его руках Цай Цяна, похоже, князю не охота было расставаться и отпускать ребёнка.

— Ваша служанка позаботится о Цай Цяне. Князь Мин, отдайте малыша Вашим служанкам и поспешите, нельзя опаздывать. — Цю Лань, вытянув руки и похлопав в ладоши, проговорила: — Цай Цян, будь умницей, позволь матушке обнять тебя, и она что-нибудь приготовит вкусенькое для Цай Цяна. — За эти дни ребенок, конечно же, уже привык к Цю Лань и остальным служанкам. Едва услышав слова девушки, Цай Цян откликнулся и, наклонившись к служанке, послушно перебрался к ней на руки.

Сделав шаг вперёд, Фэн Мин с изумлением спросил:

— Почему Цай Цян зовёт Цю Лань «матушкой»?

— Не только Цю Лань, но и мы его мамы.

Вместо Цю Лань к ним присоединилась Цю Юэ и вместе с Цю Син последовала за Фэн Мином, пока они шли, Цю Юэ пояснила шёпотом:

— Цай Цян ещё маленький и многого не понимает, мы же каждый день проводим рядом с ним,

и незаметно всё стало тем, что Вы видели сейчас. Только этот ребёнок всё чаще вспоминает Цай Цин... — подняв взгляд на грозный силуэт Жун Тяня, служанка не осмелилась продолжить.

Фэн Мин понимал, что Цай Цин обвинялась во многом, однако обсуждать её при всех было несколько неуместно, потому князь невнятно что-то промычал и больше не проронил ни слова.

В молчании пройдя оставшуюся часть пути, они дошли до главного зала, где Мэй Цзи специально устроила банкет.

Этот зал действительно ли был спроектирован самой Мэй Цзи — неизвестно, внутри всё ярко освещалось, деревянные столбы фантастического оттенка были украшены узорами. Поперёк комнаты расстелили большой ковёр, на котором уже стояло несколько длинных столиков.

На ковре в изысканной позе, а именно боком, сидела Мэй Цзи, уже переодевшись в лёгкий позолоченный наряд, по сравнению с тем платьем, в котором она встречала императора Силэй, этот дарил чувство неопишемого спокойствия и лени.

Господин Сяо Цзун сидел за впереди стоящим длинным столиком, опустив голову [3].
Казалось, даже крайне пронцательный человек не в силах был разглядеть его тайные заботы.

Увидев, что Жун Тянь и князь Мин входят в зал, Мэй Цзи обнажила шелковинку радостной улыбки и мягко проговорила:

— Государь в итоге прибыл, ещё даже кушанья не остыли. — И заботливо подняв ухоженные нефритовые руки, звонко хлопнула в ладоши: — Подать еду.

И несколько красивых служанок, следуя друг за другом и держа двумя руками, подали ещё горячие яства.

Примечания:

[1] Обр. о женской красоте.

[2] В оригинале фраза звучит как «высота и глубина совершенно неизмеримы», обр. в знач.: чересчур глубокий, трудно постижимый, весьма заумный, недоступный для понимания.

[3] Пристыженно или стесняясь, либо охваченный думами.

<http://bllate.org/book/13377/1190170>